

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №4, Том 10 / 2019, No 4, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/63FLSK419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Иванян Е.П. Для чего шампунь в романе «Обитель», или о мире вербального бытия // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/63FLSK419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Ivanyan E.P. (2019). For what shampoo in the novel "Monastery", or about the world of verbal being. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/63FLSK419.pdf> (in Russian)

УДК 10.02.01

ГРНТИ 16.01.11

Иванян Елена Павловна¹

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Россия

Профессор

Доктор филологических наук, профессор

E-mail: elogos@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4782-0658>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=433244

Для чего шампунь в романе «Обитель», или о мире вербального бытия

Аннотация. В статье показано, что в романе «Обитель» представлен самостоятельный слой – мир русского слова, т. е. смоделирован вербальный мир бытия. Автором представлена характеристика это особого слоя, мира филологической рефлексии. Выявлены признаки элементов мира русского слова: примат мира русского слова над предметным миром романа, проявляющийся в интерпретации происходящего сквозь призму языковых фактов (а не реальных); аллюзии к деятельности демиурга (текстовые фрагменты с созданием словесного мира, наречение имен окружающему); актуализация центральных номинаций лексико-семантического поля «Слово», ориентированных на мир русского слова («поэзия», «стихи»); прецедентные феномены, отражающие русское языковое сознание (фольклор: приговорки, народные сказки, песни; песни XX в.; прецеденты русской классики и Серебряного века, вступающие в заочный диалог с классиками мировой литературы); феномен рекурсии как самовоспроизведения, в котором проявляет себя часть и целое, рекурсивность самого романа, слоя мира русского слова, элементов данного слоя (художественные приемы *mise en abyme* и эффект Дросте). В статье выявлены и охарактеризованы виды рекурсии по трем основаниям (по расстоянию между повторяющимися элементами; по количеству повторений; по способу повторения). Среди характерных признаков мира русского слова названы метатекстовые нити, содержащие семы говорения, мышления, представления, в статье показано, что и метатекстовые нити применяются для реализации принципа рекурсии, удвоения мира романа на предметный и мир русского слова. Названные признаки ограничивают элементы мира русского слова от номинаций словесного строя романа. Доказано, что кажущаяся «ошибка» в употреблении слова «шампунь» в описании событий 20-х гг. XX в. обусловлена принципом

¹ <https://1001.ru/authors/309>

функциональной лексикологии, учитывающей интерпретанту и интерпретатора в когнитивно-семиологической теории слова. Слово «шампунь» мастер употребил, ориентируясь на коммуникацию «автор – читатель», читателю XXI в. языковой семиозис «шампунь» близок и понятен.

Ключевые слова: вербальное бытие; вербальная рефлексия; Прилепин; функциональная лексикология; рекурсия; интерпретация; мир русского слова; художественные приемы Дросте; *mise en abyme*; метатекстовые нити; семиологический подход

Введение

Творчество З. Прилепина, нашего современника, уже активно изучается в отечественной критике, литературоведении, представлено значительное количество статей, уже есть первые кандидатские диссертации, в лингвистической русистике исследования только начинаются, касаются преимущественно сравнений в художественных текстах мастера слова в том или ином аспекте [1–3]. Роман-новинка «Обитель» получил ряд престижных премий, его уже начали исследовать [4–7] и др.

Значительной удачей данного романа следует считать сосредоточенность писателя (профессионального филолога) на мире русского слова (МРС). Помимо остросюжетного повествования, историко-философской линии произведения, в романе представлен особый вербальный мир, мир филологической рефлексии. М.М. Глазкова и Т.А. Курунов, анализируя данный роман с литературоведческих позиций, отметили литературоцентричность русской культуры 20-х гг. XX в. в целом и отражение данного феномена в художественном произведении. В связи со сказанным представляется **актуальным** сосредоточиться на лингвистическом анализе феномена филологической рефлексии романа. Целью настоящего исследования является характеристика особого (самостоятельного) слоя романа «Обитель» – моделируемого писателем МРС, филологической рефлексии. Соответственно задачи исследования таковы: определение сущностных характеристик названного моделируемого мира; сопоставление их с характеристиками предметного условного мира художественного произведения; отграничение МРС от понятия словесного строя романа; рассмотрение вопроса языковой семиологии современных и исторических реалий в соответствии с «правдой» художественного произведения.

Методы и методология изучения базируются на учете художественного приема *mise en abyme*, рекурсивной художественной техники, художественного приема эффекта Дросте [8, с. 60–61], исследовании рекурсии в феноменах культуры [8]. Актуальными для данного исследования представляются понятия «метатекстовых нитей» А. Вежбицкой [9], подчеркивание факта их инородности во всяком тексте [9, с. 404], осознание того, единицы метаязыкового назначения – это вербализация контроля над вербализацией [10]. В методологическую основу данного исследования положены постулаты функциональной лексикологии; принцип метаморфизма, представляющий собой взаимодействие всех участвующих в речемыслительном процессе факторов [11]; принцип исследования «живого» слова, согласно которому современный семиологический подход учитывает человеческий фактор языка, вводит в качестве конституента семиологического процесса так называемую интерпретанту (фазу осмысления знака) и интерпретатора [12, с. 40].

Данная работа входит в цикл наших наблюдений над особенностями романа З. Прилепина «Обитель» [2; 13]; источником анализируемого материала явился вышеназванный роман².

Результаты

Всякое художественное произведение содержит условный, создаваемый с помощью вымысла, мир. Этот мир членится на подсистемы, каждая из которых входит в него как часть в целое; мир характеризуется хронологической канвой, особой топографией, своими предметами, реалиями с деталями и спецификой. Таков предметный мир художественного текста.

В филологической науке и практике создания художественного текста содержание условного предметного мира противопоставляется словесному строю произведения. Ср. с замечанием У. Эко: «Я осознал, что в работе над романом, по крайней мере на первой стадии, слова не участвуют. Работа над романом – мероприятие космологическое, как то, которое описано в книге Бытия... <...> То есть для рассказывания прежде всего необходимо сотворить некий мир, как можно лучше обустроив его и продумав в деталях <...>». Автор подробно сообщает, что он делал в «первый год работы по сотворению мира»: прорабатывал книги, продумывал персонажей, представлял обитателей монастыря [14, с. 437, 438]. Следовательно, в большинстве художественных произведений представлен предметный мир (содержание произведения), который противопоставлен словесному строю как способу его воспроизводства. Предполагается, что предметный мир первичен в отношении средств изображения (элокуции, в терминах риторики).

В отличие от типового художественного произведения, полагаем, что роман З. Прилепина включает в себя помимо вышеназванного ещё один мир – это МРС. Что стоит за данной научной метафорой?

Антропологические предпосылки возникновения данного феномена можно видеть в психологических особенностях человека, который «нуждается в фиктивном удвоении мира», сама «потребность в иллюзорной жизни, когда мир раскрывается как приключение, есть антропологическое свойство» [15, с. 204]. Философское обоснование конструирования не одного, а более миров в рамках одного произведения можно наблюдать в рассуждениях Г.В. Лейбница о монадах: «Она есть представление Вселенной не в том смысле, что получает это представление извне, как бы через окошко..., а в том смысле, что излучает это представление как зеркало, но не как мертвое зеркало, а как живое, воспроизводящее свое изображение собственной силой» [16, с. 413–414]. Отметим, что в данном случае мы экстраполировали доводы М.А. Зайченко и Е.Л. Яковлевой о предпосылках бытования феномена рекурсии в культуре на явление МРС (имеющего рекурсивный характер) в романе З. Прилепина «Обитель».

В целом МРС как особый слой романа можно охарактеризовать при помощи ряда признаков. Данные признаки исчисляются в количестве, по крайней мере, 5.

1. Формой бытования элементов мира слова являются текстовые фрагменты, в которых наблюдается (и постулируется) примат МРС над предметным миром. Что в целом восходит к философскому понятию логоса, восходящему к Гераклиту и понимаемому как мировой разум, закономерность Вселенной, не исключающему буквальное толкование – «слово, речь,

---

² Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 746 с.

язык». В христианстве Логос (Слово) понимается как вечно свойственная Богу сила разума, слово и вечная мысль Бога³.

Приведем примеры, в которых представлен примат МРС над предметным миром: – *Есть такое слово: волелюбивый, – сказала Галя и, помолчав, добавила: – Не про тебя слово*⁴. В текстовом фрагменте персонаж вместо прямой номинации *трус* обращается к элементу МРС, рефлексировав над его значением. Маркером рефлексии являются «метатекстовые нити» (в понимании А. Вежбицкой): *есть такое слово; не про тебя слово*. См. другой пример:

*...Комиссии удалось выявить настолько тяжёлую картину общего режима, что невольно припомнилось излюбленное выражение Курилко: «Здесь власть не советская, а соловецкая»*⁵.

Метатекстовая нить – *излюбленное выражение*. Единица МРС выполняет функцию интенсификатора, кроме того выполняет центробежную функцию художественного текста, ещё и создает масштабность описания. Об умении З. Прилепина воспроизводить масштабные картины, масштабные описания отмечается в [7]. Ср. с другим примером, включающим масштабное описание во фрагменте, содержащем единицу МРС:

*Я попытался прикинуть, сколько таких полковников, да что там говорить – генералов, а то и маршалов, сидит и жжёт глаголов рюмку коньяка, цветастую скатерть на столе, часы в камине, собственный портрет в орденах государств половины земного шара*⁶.

Масштабность описанию задает синонимический ряд с элементом МРС *жжёт глаголом* и деталями предметного вымышленного мира романа, который коррелирует с миром реального; словесным строем создает яркие образы (*цветастая скатерть, часы на камине и портрет в орденах*).

Примат МРС над предметным миром представлен в описании священника (владычки): *Владычка искренне удивился – как же: откуда? – говорил весь его вид, – как же я мог этого не знать? Это же написано черным по белому, я только прочел*⁷. Элементы МРС представлены в метафорическом плане (*вид говорил; написано черным по белому; я прочел*). Заметим, что в дискурсивно-когнитивном фрагменте даны обе манифестации языка: устная (*говорил*) и письменная (*написано; прочел написанное*).

Ряд фрагментов романа содержит примеры мира казнящего слова, когда главный персонаж Артем Горяинов устраивает словесную пытку своим сокамерникам, размышляя над тем или иным выражением, касающимся заключенных:

*<...> неповоротливо звучит, – добродушно делился со всей камерой своими размышлениями. – Послушайте: «Приговор приведен в исполнение». Посмотришь, к примеру, на Санникова – и пытаешься примерить к нему эту фразу – ну, буквально как галстук на шею повязываешь: «При-го-о-о...вор!.. приве-е-е...дён! В испо-о-о...лне!ни!е!»*⁸.

³ Краткая философская энциклопедия. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – С. 247.

⁴ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 634.

⁵ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 648.

⁶ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 697.

⁷ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 539.

⁸ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 672.

Примат МРС проявляется в вербализации размышлений Горяинова, восприятии мира страданий и казней на Соловецких островах сквозь мир слов, «примеривание» фразы как галстука. Элементы МРС: *неповоротливо звучит; буквально; примериваешь фразу*. Сила казнящего слова усилена графическими средствами выразительности (это словесный строй романа).

2. Яркими элементами МРС являются текстовые фрагменты, содержащие **аллюзию к деятельности демиурга**. Подобно Богу, создающему Землю наречением имен, действует богоборческий персонаж романа Артем Горяинов:

<...> представлял себя путешественником, открывающим новые острова.

«...Назову их сам, – сонно думал Артем. – Остров Афанасьева, на котором сейчас мы... А самый первый – остров Владычки... Надо бы и Бурцеву свой островок тоже...»⁹. Топонимический семиозис в представленном фрагменте выполняет меморативную функцию. Элементы МРС характеризуются тем, что не существуют в предметном мире романа, а только в мыслях Артема; выполняют центробежную функцию, замедляя развитие сюжета, но и играют роль когезии, связывают ключевые смыслы художественного произведения.

Развитие сюжета романа обнаруживает деградацию главного персонажа. В последней части произведения языковой семиозис травестируется: теперь Артем именами сокамерников называет клопов: – *Санников!* – *негромко давал Артем клички клопам. – Куда ты, голубчик!*¹⁰ См. другой пример казнящего слова:

*– Конвоир с винтовкой, – приговаривал Артем <...>. – Моисей Соломонович, вы знаете, что винтовку тут зовут – «свечка». Свечку поставили, ха!*¹¹

В примере элемент МРС *зовут* репрезентирует размышление персонажа. Здесь представлено взаимодействие МРС и предметного мира романа, коррелирующего с реальностью 20-х гг. XX в. Персонаж размышляет об абсурдности метафоризации винтовки языковым семиозисом (*свечка*).

3. МРС может быть актуализирован в текстовом фрагменте при помощи центральных средств выражения **лексико-семантического поля «Слово»**: *стих (стихи), поэзия*. В следующем примере наблюдается осцилляция значений в лексеме *поэзия*:

[Дневник сотрудницы администрации лагеря на Соловках Галины Кучеренко]... *А между тем было очень молодо, всё время была надежда и поэзия.*

*Ф. знал стихи наизусть, я так удивилась!*¹².

Элементы МРС – *поэзия, стихи*. Благодаря помещению рядом с абстрактным существительным *надежда* лексема *поэзия* допускает осцилляцию значений: (1) поэзия как изящество и красота чего-л., возвышенная, полная надежд жизнь и (2) поэзия как особый способ организации речи.

Культ МРС представлен в восприятии главного персонажа Артема. Горяинов пытается совершить побег с острова и размышляет, если не вернется в Россию, что потеряет?

⁹ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 627.

¹⁰ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 667.

¹¹ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 677.

¹² Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 712.

*Он зажмурился на секунду, увидел шмеля на стебле, лошадь, подрагивающую селезенкой, воронье гнездо, младшего брата, фотоателье на Мясницкой, снеговика у дома, строчку стиха...*¹³

Панорамное описание ментальных ценностей Артема включает в себя и элемент МРС – *строчку стиха*. Пример не содержит эксплицитных «метатекстовых нитей», они имплицитуются контекстом (*зажмурился и представил*).

Элементы МРС в романе могут одновременно демонстрировать примат МРС над предметным миром и актуализировать центральные конституэнты лексико-семантического поля «Слово»:

*...Линия скул неявная, хотя я всё равно говорила про них «косые скулы»: как у Маяковского в стихах*¹⁴. Примат МРС проявляется в том, что персонаж Галина ориентируется в речи (*говорила про них*) не на объективные данные реального мира, а на способы выражения (элокуцию), бытующие в МРС.

– *Принял отчет?* – спросил Артем. Он так хорошо поспал, что на него напал веселый стих¹⁵. В примере элемент МРС – *напал веселый стих*. Это также пример мира казнящего слова. Оказавшись в карцере, Артем встречается со своими бывшими мучителями, над которыми незамедлительно начинает иронизировать «веселым стихом». Из всего многообразия средств выражения состояния «веселое настроение» мастер слова выбирает то, что относится к элементу МРС. Артем, преданно любящий МРС, поэзию, испытывает состояние «нападения веселого стиха», хотя по сути, это не веселый, а саркастический стих.

М.М. Глазкова и Т.А. Курунов, анализируя роман З. Прилепина «Обитель», отмечают, «что стремление Артёма рифмовать и поэтизировать является его главной чертой, сутью его натуры» [5, с. 49], с чем нельзя не согласиться. Можно предположить, что главный герой романа – дигитал, человек воспринимающий мир реальности не органами чувств (непосредственно), а опосредованно, при помощи мыслительных операций, том числе словесного ряда. Ученые порицают протагониста романа, полагая, что его натура «направлена не к высотам духа, а к земному быту» [5, с. 49]. Осмысление окружающего через МРС, словесные упражнения А. Горяинова ученые определяют как «трюкачество словом» [5, с. 49].

Безусловно, «трюкачество словом» представлено в романе, например, в эпизоде, когда Артем попадает на совещание с Эйхманисом:

*Артем уже придумал несколько трескучих лозунгов для соревнований <...>. Ни души, ни сердца он в это не вкладывал – оттого подобная деятельность давалась ему особенно легко*¹⁶. Данный элемент МРС апеллирует к читателю-современнику, потребителю большого количества информации, который вопреки логике научается «жонглировать» слабо понимаемыми понятиями. В целом аксиология чуткости к миру слова главного персонажа в трактовке ученых-литераторов является, на наш взгляд, избыточной.

4. Элементы МРС представлены в текстовых фрагментах, содержащих прецедентные феномены, маркированные русским языковым сознанием. Таковыми являются фольклорные фрагменты (народных песен, припевок), песни XX в. и др., обращение к русской классике и Серебряному веку (А. Пушкин, Ф. Достоевский, А. Блок, М. Цветаева и др.). См. пример обращения к приговорке:

¹³ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 611.

¹⁴ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 709.

¹⁵ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 643.

¹⁶ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 227.

Ничего уже Артем не думал и только сжимался в комок, в колобок, в мокрое, прогорклое тили-тили-тесто¹⁷. Элемент МРС представлен в форме метафоры прецедентных феноменов (*колобок* и *тили-тили-тесто*). Избиение имплицитно актуализирует акт эксперимента над человеческим материалом, который большевики планируют усовершенствовать, создавая нового человека (дед и баба создали себе человечка из комка теста – колобка). Второй прецедент – фольклорная припевка *тили-тили-тесто*, которую нередко употребляют как дразнилку в детской коммуникации в отношении мальчика и девочки, проявляющих друг к другу интерес. В тексте романа это аллюзивно зарифмовано тем фактом, что Артем вступил в отношения с сотрудницей лагеря Галиной, а теперь его избивают. Примеры фрагментов МРС с песнями:

– *«В синем и далёком океане... где-то возле огненной земли...»*, – пропела Галя¹⁸;

[Сотрудница Соловецкого лагеря Галина Кучеренко пишет в своем дневнике]

– *Я сошью тюрнюр по моде*,

*Что не спрячу, то в комод*¹⁹. Квалификация этого прецедентного феномена как фольклор (частушка), зафиксированного Н.П. Колпаковой, дана в статье Н.И. Епишкина²⁰.

См. фрагмент описания страданий заключенных на Секирке (штрафном изоляторе без отопления и с колокольчиком, которым вызывают на расстрел):

(...) но колокольчик оказался сильнее, он был как взрослый дурак в детской игре – который входит и толкает кубики сапогом, и все они летят и катятся по каменному полу: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый – каждый охотник желает знать, где сидит... кто? кто?

*...Какого фазана ищет этот охотник?*²¹

Элемент МРС – *каждый охотник желает знать, где сидит* – является началом мнемонической фразы, придуманной для запоминания последовательности цветов радуги. Текстовый фрагмент содержит поток сознания главного персонажа, который с отчаянным юмором размышляет, кого на этот раз вызовут на расстрел. Употребление элемента МРС актуализирует игру на многозначности: охотник из мнемонической фразы ищет фазана, красноармейцы выбирают, кого из сидящих в штрафном изоляторе расстрелять.

Элементы МРС вводятся также прецедентными феноменами из русской классической литературы:

[Речь поэта Афанасьева] – *«Балаганчик»... Вот наш балаганчик. Истекаю клюквенным соком. Серебряный век загнали на Секирку...*²² В примере представлен прецедент, ориентированный на мир поэзии А. Блока. См. также:

[Об Артеме Горяинове] *Он спешил ко входу в свою роту так, словно о нём печалились в келье сорок ласковых сестер.*

¹⁷ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 498.

¹⁸ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 601.

¹⁹ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 715.

²⁰ Епишкин Н.И. Я сошью тюрнюр по моде. Что не спрячешь и в комод. Н.П. Колпакова Типы народн. част. Фольклор 10 280 // Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. [Электронный ресурс]: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm.

²¹ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 549.

²² Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 536.

...или лучше одна, и не сестра вовсе²³.

Яркое сравнение словно о нём печалились в келье сорок ласковых сестер таит диалоги из МРС со строками из трагедии В. Шекспира «Гамлет». Гамлет у гроба своей возлюбленной говорит брату Офелии: «Я любил её, как сорок тысяч братьев любить не могут» (перевод Н.А. Полевого, 1837). В русской поэзии начала XX в. известны стихи М. Цветаевой и А. Ахматовой, вступивших в литературный диалог с драматургом-классиком.

В 1923 г. М. Цветаева написала «Диалог Гамлета с совестью»:

– На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, – но сна и там нет!
– Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!

В 1909 г. А. Ахматова создала стихотворение «Читая Гамлета». В стихотворении творчески осмысливается совет Гамлета своей возлюбленной: «иди в монастырь или женись на дураке»:

Ты сказал мне: "Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака..."
Принцы только такое всегда говорят <...>
2
И как будто по ошибке
Я сказала: "Ты..." <...>
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестер.

Полагаем, что *сорок ласковых сестер* можно рассматривать как элемент МРС, так как он в свёрнутом виде содержит литературный диалог российских поэтесс начала XX в.

См. пример казнящего слова МРС [Артем пугает сокамерников возможной казнью] *Расстрел был длинный <...>. Речи говорили, отдавали честь <...>. «Про колокольчик однозвучный, мамочка, Санников тоже спел: про колокольчик – это была его любимая»*²⁴.

Актуализируется прецедент пушкинского стихотворения. Элемент МРС *колокольчик однозвучный* – цитата из стихотворения А. Пушкина «Зимняя дорога».

5. Многие элементы МРС романа подчинены **принципу рекурсивности**. Рекурсия (от лат. *recursio*) – буквально «возвращение» – явление обращения системы к самой себе. Суть рекурсивного принципа заключается в возврате системы к себе, т. е. повторении и самовоспроизведении согласно алгоритму собственного разворачивания по аналогии,

²³ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 215.

²⁴ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 673.

благодаря чему происходит усложнение системы [8, с. 58]. Ученые отмечают, что «усложняясь, система каждый раз достраивается до динамичной целостности». Подобным образом представлены фракталы. Примечательно, что при усложнении и сохранении целостности системы «единичное отражает множественное, а множественное, в свою очередь программирует единичное» [8, с. 58].

Анализ феномена МРС, представленного в романе «Обитель», позволяет констатировать, что в отношении целого данный феномен предстает как модель нового мира, в котором осуществляется не просто повторение языковых элементов, а и движение внутри моделируемого писателем пространства вглубь себя. Новый МРС репродуцирует не только себя, но и реальность вымышленного предметного мира, который, в свою очередь, коррелирует с реальностью 20-х гг. XX в. Целостность МРС романа проявляется в существовании единого во многом и многого в едином. Так, сами элементы МРС подвержены принципу рекурсивности. Бытование МРС представлено в поле интерпретации на двух уровнях восприятия (персонаж – персонаж и автор – читатель). Метатекстовые нити являются маркерами МРС и интерпретантой на уровне «автор – читатель» (см. примеры текстовых фрагментов выше).

Что касается рекурсий МРС романа, то различаем их виды на трех основаниях: (1) по расстоянию между повторяющимися элементами (контактная и дистантная); (2) по количеству повторений (единичная и множественная); (3) по способу повторения (неполное повторение как развитие и эффект Дросте). Кратко охарактеризуем каждый из видов.

Пример контактной единичной рекурсии элемента МРС:

- А, вот... чёртова фамилия. Горя... Горя?

- Горяинов! – подсказал Артем²⁵.

Элемент МРС рекурсивен (*Горя; Горя; Горяинов*) демонстрирует лексическую ассоциацию. Интерпретация на уровне «персонаж – персонаж» характеризует языковой семиозис *Горяинов* как трудно произносимый, возможно с непонятной этимологией.

Ср. с другим примером единичной контактной рекурсии элемента МРС:

- Если б прислушались, сразу осознали бы: всё, что вокруг вас, – какофония! *Какофония и белибердовы сказки! И варвары, изъясняющиеся на неведомом наречии, решившие обучить нас – нас! – своему убогому языку! Своровали всё <...>. Теперь ещё и язык воруют – у меня в голове навалены эти слова, торчат углами...*²⁶

Текстовый фрагмент содержит элементы МРС *какофония, белибердовы сказки, неведомое наречие, убогий язык, слова торчат углами*. Элемент *какофония* подвержен рекурсии, согласно художественному приему *mise en abîme* (буквально с французского – помещение в бездну). В нашем примере – это помещение в «бездну» или стихию МРС, в этой бездне находятся и другие элементы МРС, которые раскрывают смысл языкового семиозиса *какофония*. Другое толкование художественного приема *mise en abîme*, успешно применяемого в разных видах искусства, – это «помещение в центр». Имеется в виду в смысловой центр. Лексема *какофония* является смысловым центром этого фрагмента романа, последующий текст является его раскрытием.

Рассмотрим пример развернутой метафоры (стилеобразующего приема в творчестве З. Прилепина), содержащий рекурсию элемента МРС:

²⁵ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 644.

²⁶ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 393.

[Измененное состояние сознания Артема] *Он несколько раз повторил по себя слово «недосып», чтоб объяснить себе своё состояние. Но вникнуть в смысл слова было невозможно – оно странным образом было связано с кружкой чая, в которую недосыпал колотого сахара, а сахар был связан со снегом, который падал не ледяной пылью, а тяжелыми кусками, словно его подтаскивали к самому краю неба – как к краю льдины, а потом спихивали вниз – в воду, которая по-прежнему была не сладка*²⁷.

Пример содержит метатекстовые нити: *повторил, чтобы объяснить себе; вникнуть в смысл слова невозможно*. Элемент МРС: *смысл слова «недосып»* раскрывается через словесный строй романа путем актуализации языковой игры на омониме *недосып*, которая проявляется через развернутую метафору, отрицательное сравнение (*не ледяной пылью*), нанизыванием сравнений (*словно его подтаскивали к самому краю неба и как к краю льдины*). Изящество элокуции данного фрагмента состоит в том, что сравниваемые объекты оппозитивно представлены на небе и на земле (в воде), обозначают «холодные предметы и явления действительности», белого цвета, рождают тихое ощущение холода и неуют (вода по-прежнему не сладка).

Рассмотрим, как из словесного строя романа формируется рекурсия элементов МРС. Пример № 1:

[Описание начальника Соловецкого лагеря Эйхманиса] *Что-то в нём было такое... Артем искал подходящее слово <...>. Каждую минуту ожидалось, что вдруг он перейдет на свою, родную ему, речь, и совсем не латышскую, или немецкую, или французскую – а какую-то ещё, с резкими, хрустящими, как битое стекло, повелительными словами*²⁸.

Пример содержит метатекстовую нить *искал подходящее слово*, которая маркирует бытование элементов МРС *слово, речь, слова*. Фрагмент содержит звукопись свистящих согласных.

Пример № 2.

*– Да пошёл бы ты ко всем своим соленым соловецким чертям! – вслух ругался Артем <...>*²⁹

Звукопись фрагмента ясна и очевидна. Звукобуква «эс» содержит отрицательную коннотацию.

Пример № 3, кульминация бытования звукобуквы «эс» как элемента МРС, данного во множественной дистантной рекурсии:

[Поэт Афанасьев замечает] – *Ты замечал, Тёма, что у Достоевского – все самоубийцы на букву с... сэ? Свидригайлов, Смердяков, Ставрогин? Я эту букву что-то выговаривать разучился*³⁰. Далее творческая фантазия поэта замечает, что «эс» находится в середине фамилии писателя и затягивается на шее у него. *Свистела на ухо ... сатанинская свара ... сладострастная стерва ... и соленые сквозняки ... серп рассек сердце ... и смерть ... и с ... Секирка*³⁰. Кульминация сопрягает рекурсию свистящих согласных элементов МРС с вымышленным предметным миром Ф. Достоевского.

²⁷ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 641–642.

²⁸ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 223.

²⁹ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 437.

³⁰ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 530.

Пример № 4. ... *Поставить новую пластинку, и тогда Афанасьев, пусть и заедая на букве «с», снова расскажет про святцы, Секирку, стихи, соленые соловецкие сквозняки*³¹. В примере представлен «полный комплект» свистящих согласных русского языка. Элементы МРС *буква «эс», стихи* вовлечены во множественную дистантную рекурсию. Данная рекурсия свистящих как семантически нагруженная реалия входит в более общую рекурсию МРС романа.

На звукопись свистящих в романе «Обитель» обратил внимание блогер Шамиль Керашев: «В этой совокупности явно угадывается метафора Отечества – точнее, мистерии на его тему, во всей полноте. Захватывающей и безбрежной». Далее блогер рассуждает в духе элементов МРС анализируемого романа: «А Соловки... Ну, что Соловки. Слово на букву «С». Ту самую, с которой начинается Смерть, а ещё Сила, Смех, Страсть, Страдание, Свидригайлов. Всего в избытке у России – с двумя-то такими буквами в самой сердцевинке»³².

Другим примером дистантной множественной рекурсии является многократное повторение (в развитии) в романе переделанного фрагмента фольклорной песни под номером 221, который в подлиннике представлен так:

*Не по плису, не по бархату хожу,
Хожу, девушка, по вострому ножу*³³.

Рекурсия, бесконечное повторение данного фрагмента народной песни (элемента МРС) создает атмосферу опасности и бесконечности испытаний проживающих на Соловецких островах заключенных.

Особым художественным приемом рекурсии является так называемый эффект Дросте. Данный прием – это частный случай общей техники *mise en abyme*. Этот вид рекурсии состоит в повторении уменьшенной версии какой-либо единицы (зеркальное повторение, допустимо и искажение зеркал). Название эффекта пришло от фирмы Droste, рекламировавшей какао изображением девушки с пачкой какао в руках, на которой можно было различить девушку с пачкой какао и т. п.

В анализируемом романе также представлена техника Дросте во фрагментах, описывающих внутреннее богоискательство Артема, его попытку диалога с Господом.

Пример № 1. [Артем в камере, возвращен после неудачного побега в море на Соловки] «С чего бы мне опять умирать? Большие нет моей очереди, я свою очередь десять раз отстоял! Господи!»³⁴

Пример является иллюстрацией словесного строя романа.

Пример № 2.

*...В очередном мгновенном сне вдруг увидел сам себя сверху: он был обнажён – хотя так и спал в тюленьей куртке и ватных штанах, от жары не уставая*³⁴.

³¹ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 538.

³² Блогеры о романе «Обитель». Шамиль Керашев [Электронный ресурс]: <http://zaharprilepin.ru/ru/zhivaya-rech/blogeri-o-romane-obitel.html>.

³³ Иваницкий Н.А. Песни, сказки пословицы, поговорки. № 221. [Электронный ресурс]: <https://www.booksite.ru/fulltext/iva/nit/sky/tale/7.htm>.

³⁴ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 664.

Главный герой пытается вернуться, «упасть в свою плоть», но это ему не удается. Ощущение, которое мучит Артема, не подвергается вербализации: <...> мучило другое кромешное ощущение, он никак не мог рассказать о нем вслух, будто на этих словах окончательно онемел³⁴. Здесь уже представлены элементы МРС *рассказать вслух; онемел на словах*. Артем делает усилие и с трудом произносит:

– Бог здесь голый. Я не хочу на голого Бога смотреть. Бог на Соловках голый.³⁴

После акта словесного семиозиса Артем возвращается в своё тело.

Пример № 3.

...Упал в собственное тело, очнулся, поймал себя на том, что видел не Бога, а собственного отца – голым – и говорил о нём³⁴.

Пример № 3 – это и есть художественный эффект Дросте: картинка в картинке. В совокупности примеров № 1–3 «зеркально» представлено 3 объекта: (1) Артем; (2) Бог; (3) отец Артема. Трагедия Артема – в убийстве отца в состоянии аффекта (увидел отца изменяющим, голым).

Бог отец. А я отца убил. Нет мне теперь никакого Бога. В завершении художественного приема Дросте звучат афористичные слова: «Бог не мучает. Бог оставляет навсегда. Вернись, Господи. Убей, но вернись»³⁵.

6. Принципу рекурсивности подчинены метатекстовые нити, маркирующие элементы МРС, например:

Артем вернулся на своё место, сам про себя сказав: «...сел, несолоно хлебавши...» – и тут же усмехнулся: выражение это, на фоне нескончаемого моря вокруг, впервые в жизни прозвучало издевательски – хлебай не хочу своё солоно³⁶. Метатекстовые нити представлены приемом *mise en abîme*, двоят изображаемую действительность на собственно МРС и предметный мир романа (испытания героя на воде, в море). Во фрагменте представлены две интерпретации двух планов восприятия (персонаж и его мысленный собеседник, второе «я»; автор – читатель). Персонаж выполняет функцию демиурга, сам наделяет окружающую действительность именами, окутывает миром слов. Рефлексия персонажа двоят мир: на мир размышлений и мир суровой действительности (в море). Интерпретатор на уровне «персонаж и его мысленный собеседник» иронизирует над ситуацией, ирония придает мужества жить дальше в невыносимых условиях. Ирония приходит из незыблемого мира русской словесности, МРС, где и хранится выражение «не солоно хлебавши». Во фрагменте как словесном строе романа представлена буквализация названной метафоры.

Метатекстовые нити романа сопровождают элементы МРС не только из эпизодов персонажей, но и эпизоды от автора, например:

Грубо говоря, как таковым ГУЛАГом Эйхманис не руководил: потому что сама аббревиатура «ГУЛАГ» – с таким ржавым, лязгающим звуком должен падать топор на шею – появится лишь в ноябре того же года³⁷.

Метатекстовая нить *грубо говоря*. Элементы МРС: названная метатекстовая нить, аббревиатура «ГУЛАГ». Во фрагменте метатекстовая нить интерпретирует речь автора. Сама речь интерпретирует элемент МРС *ГУЛАГ* в двух ипостасях: образной, художественной и фактической, исторической.

³⁵ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 665.

³⁶ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 607.

³⁷ Прилепин З. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 736.

В рецензии на роман «Обитель» А. Котюсов замечает: «Бывает, хотя и не часто, герои Прилепина произносят слова, то, что называется из словарного запаса другого поколения». Рецензент развивает свою мысль: «Об этом уже писали многие критики, и мы не станем повторяться, тем более что подобные ошибки не портят роман»³⁸, но не объясняет, на каких основаниях (или допущениях критиков) ошибки не портят роман.

Завершая обзор изучения МРС, сосредоточим внимание на одной подобной «ошибке» и предложим свою интерпретацию причины нахождения её в романе.

[В мечтах беглеца с острова Артема] *«Вот бы зажмуриться на минуту <...> а там... ну, скажем, земля – и над землей надпись «Норвегия», пусть даже не по-русски. И на причале стоят люди с хлебом-солью по-норвежски...»*³⁹ В мечтах Артема их радушно встречают (представлен ещё один элемент МРС – *горе-путешественники*) и предлагают: *«Пойдемте определим вас в тёплые квартиры – ванны, полные шампунем, пенятся уже <...>»*³⁹

Теперь вопрос: что делает лексема *шампунь* в русском романе, повествующем о 20-х гг. XX в.? Как известно, шампунь изобрели в начале XX в., сначала в сухой форме, только значительно позже – в жидкой; в промышленных масштабах появляется в Европе второй половины XX в. В терпящей нужду России 20-х гг. шампунь отсутствует. Кроме того, если следовать буквальным фактам, то шампунь употребляют для мытья головы, а для создания пены в ванну пускают специальный раствор с аналогичным названием «пена для ванны». То есть в тексте представлено две ошибки: (1) вряд ли герой 20-х гг. XX в. знал что-либо о шампуне; (2) герой неправильно мечтает употребить шампунь вместо пены для ванны.

3. Прилепин как мастер слова бережно относится к МРС. В данном случае обращение к языковому семиозису *шампунь* объясняется с позиции семиологического подхода, учитывающего человеческий фактор языка, предлагая в качестве конституэнта семиологического процесса интерпретанту (фазу осмысления знака) и интерпретатора (того, кто воспринимает и интерпретирует знак) [12, с. 40]. Фактор адресата позволяет определить, что в данном случае автор, применяя лексему *шампунь*, ориентируется на уровень коммуникации «автор – читатель». А читатель 3. Прилепина живет во втором десятилетии XXI в. В это время шампунь – знак чистоты, уюта, ухода за своим телом. «Пена для ванны» как средство гигиены и создание ванного уюта также актуальна для потребителей. Но аналитическая конструкция (состоящая из 3-х слов) неудобна в ткани художественного произведения, к тому же достоверности в воссоздании реалий 20-х гг. XX в. эта номинация не добавляет. Следовательно, номинация *шампунь* обоснована правдой художественного произведения, которая противостоит правде документалистики. Ср. позицию автора романа, высказанную словами Галины Кучеренко: *Все дневники и воспоминания – куда больше вранье, чем любой роман*⁴⁰. О специфике «правды» художественного произведения на материале романа «Обитель» см. рассуждения [7].

Обсуждение

Характеристика особого слоя романа – МРС при помощи пяти ведущих признаков: (1) примат МРС над предметным миром романа; (2) аллюзии к деятельности демиурга, нарекающего словами и тем самым порождающего мир; (3) актуализация центральных

³⁸ Котюсов А. Рецензия на роман Захара Прилепина Обитель. Рецензия опубликована в журнале "Волга" № 9–10 за 2014. [Электронный ресурс]: <https://www.proza.ru/2014/11/03/1068>.

³⁹ Прилепин 3. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 606.

⁴⁰ Прилепин 3. Обитель: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 714.

номинаций лексико-семантического поля «Слово», представленных языковыми семиозисами *поэзия* и *стихи (стих)*; (4) прецедентные феномены, ориентированные на мир филологической рефлексии, элементы МРС (русский фольклор: частушки, припевки, песни и проч.; песни XX в.; строки из А. Пушкина, М. Цветаевой, А. Ахматовой – в диалоге с У. Шекспиром, А. Блока и др.); принцип рекурсии, в полной мере представленный в МРС романа; метатекстовые нити, маркирующие элементы МРС и сами удваивающие пространство изображения, – обнаруживают новизну предпринятого аспекта исследования, определяют вектор дальнейших изысканий. За пределами исследования остались важные проблемы репрезентации семантики невыразимого как ещё одного приема рекурсии в художественном тексте; вопрос соотношения МРС данного романа с художественным пространством произведений З. Прилепина в целом; тотальное изучение видов выявленных рекурсий изучаемого романа; проблема возможного бытования МРС в других произведениях русской литературы (возможно, не как стратегия, но как прием, например, в рассказе А. Чехова «Учитель словесности»).

Основные выводы

МРС романа «Обитель» – особый феномен филологической рефлексии. Данный мир обладает свойством рекурсивности, его назначение – интерпретация, фрактальное дублирование другого слоя – предметного мира романа. Элементами мира русского слова становятся языковые единицы разной природы (фразеологизмы, пословицы, прецедентные феномены в виде припевок, фрагментов народных и авторских песен), вводимые в текст метатекстовыми нитями – лексемами, содержащими семы речи, представления, воспоминания. МРС, выполняя в романе центробежные функции, актуализирует рекурсивный принцип интерпретации художественного текста «внешним» интерпретатором – читателем, что находится в согласовании с принципом функциональной лексикологии, (семиологической теории слова). Элементы МРС отличаются от единиц словесного строя романа своим назначением: благодаря их рекурсии и метатекстовым нитям осуществляются акцентирование внимания читателя на значимых элементах текста, указание на символическое значение, ключевой смысл, содержащийся в данных языковых единицах. Рекурсия как художественный прием и как стратегия в романе З. Прилепина «Обитель», с одной стороны, порождает элементы и феномен МРС, с другой стороны, актуализирует бездну (*abyme*) интерпретаций, создающих текстовую стереоскопию, придающих тексту безграничную глубину. МРС данного романа рекурсивен, поскольку содержит многократное обращение к себе как к системе, а также обращение к предметному вымышленному миру роману (ещё одна конструируемая автором произведения система) и опосредованным образом к миру реальности 20-х гг. XX в. Рекурсивное движение слоев романа (миров романа) создаёт сложный и замысловатый рисунок смыслов, вызывающих к читателю войти в поле интерпретаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова П.С. Группы эмоций устойчивых сравнений в художественном тексте // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017 г.). – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 442–445.

2. Иванян Е.П., Иванова П.С. Персоносфера в сравнениях с прецедентными онимами в текстах произведений З. Прилепина и Н. Абгарян // Экология языка и коммуникативная практика. – Красноярск: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет», 2017. № 4. – С. 46–58.
3. Цзен Тин. Сравнительные конструкции как средство передачи эмоций героя в романе Захара Прилепина «Обитель» // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – М., 2016. № 9. – С. 93–95.
4. Большев А. Роман Захара Прилепина «Обитель» в контексте тюремно-лагерной прозы XX века // Филология и культура. – Казань: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2016. № 4 (46). – С. 129–138.
5. Глазкова М.М., Курунов Т.А. Воплощение брюсовского «диалога между жизнью и смертью» в романе Захара Прилепина «Обитель» // Современные исследования в сфере социальных и гуманитарных наук: Сб. результатов научных исследований. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2018. – С. 47–54.
6. Сухих О.С., Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2015. № 1. – С. 297–304.
7. Benjamin M. Sutcliffe «Правды не хватает»: «Обитель» З. Прилепина: документальность и роман воспитания // Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. N 55. 2014. P. 191–214.
8. Зайченко М.А., Яковлева Е.Л. Рекурсивная форма движения и её проявления в культуре // Ученые записки Казанского университета. – Казань: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2013. Т. 155. Кн. 1. – С. 57–66.
9. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–421.
10. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 201 с.
11. Степанов Ю.С. Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – С. 38–51.
12. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
13. Иванян Е.П., Михайлова М.Ю. «Обитель» З. Прилепина в лингвосемиотическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 1 (в печати).
14. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». – М.: Книжная палата, 1989.
15. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1997. – 240 с.
16. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – 686 с.

Ivanyan Elena Pavlovna

Samara state university of social sciences and education, Samara, Russia
E-mail: elogos@ramdler.ru

For what shampoo in the novel "Monastery", or about the world of verbal being

Abstract. The article shows that the novel "Monastery" presents an independent layer – the world of the Russian word, that is, the verbal world of being is modeled. The characteristic of this special layer, the world of philological reflection, is given. The signs of elements of the world of the Russian word have been revealed: the primacy of the world of the Russian word over the substantive world of the novel, manifested in the interpretation of what is happening through the prism of linguistic facts (rather than real ones); allusions to demiurg activity (text fragments with creation of verbal world, naming to others); updating of the central nominations of the lexico-semantic field "Word", oriented to the world of the Russian word ("poetry", "verses"); case-law phenomena reflecting Russian language consciousness (folklore: sentences, folk fairy tales, songs; songs of the 20th century; precedents of Russian classics and Silver Age entering into correspondence dialogue with classics of world literature); the phenomenon of recursion as self-reproduction, in which part and whole, recursivity of the novel itself, the layer of the world of the Russian word, elements of this layer (artistic techniques *mise en abime* and *Droste effect*). The article identifies and characterizes the types of recursion on three grounds (by the distance between repeating elements; by the number of repetitions; on a way of repetition). Among the characteristic signs of the world of the Russian word are mentioned metatextic threads containing seeds of speech, thinking, representations, the article shows that metatextic threads are used to implement the principle of recursion, to double the world of the novel to the substantive and world of the Russian word. These signs distinguish elements of the world of the Russian word from nominations of the verbal system of the novel. It has been proved that the apparent "error" in the use of the word "shampoo" in the description of the events of the 20th century is due to the principle of functional lexicology, which takes into account interpretant and interpreter in cognitive-semiological theory of the word. The word "shampoo" master word used, focusing on communication "author – reader", the reader of the XXI century language semiosis "shampoo" is close and understandable.

Keywords: verbal being; verbal reflection; Prilepin; functional lexicology; recursion; interpretation; world of the Russian word; art techniques by *Droste*; *mise en abime*; metatext threads; semiologicheskoy approach

REFERENCES

1. Ivanova P.S. (2017). Gruppy ehmotsey ustoychivyykh sravneniy v khudozhestvennom tekste. [*Groups of emotions of enduring comparisons in fiction.*] Moscow: Information and Publishing Department Moscow State Regional University, pp. 442–445.
2. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. (2017). Personosphere in comparisons with precedentonyms in the texts of the works of Z. Prilepin and N. Abgaryan. *Ecology of language and communicative practice*, 4, pp. 46–58 (in Russian).
3. Tszen Tin (2016). Comparative constructions as a means of transmitting the hero's emotions in Zahar Prilepin's novel "The Abode". *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 9, pp. 93–95 (in Russian).

4. Bol'shev A. (2016). Roman Zakhar Prilepina "The Abode" in the context of prison and camp prose of the twentieth century. *Philology and Culture*, 4(46), pp. 129–138 (in Russian).
5. Glazkova M.M., Kurunov T.A. (2018). Voploshchenie bryusovskogo «dialoga mezhdru zhizn'yu i smert'yu» v romane Zakhara Prilepina «Obitel'». [*The embodiment of Bruce's "dialogue between life and death" in Zahar Prilepin's novel "The Abode"*.] Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education, pp. 47–54.
6. Sukhikh O.S., Roman Z. (2015). Prilepina "The Abode": poetics of an artistic experiment. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky*, 1, pp. 297–304 (in Russian).
7. Benjamin M. (2014). Sutchiffe "Truth Is Not Enough": "The Abode" by Z. Prilepin: documentary and upbringing novel. *Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*, 55, pp. 191–214 (in Russian).
8. Zaychenko M.A., Yakovleva E.L. (2013). Rekursivnaya forma dvizheniya i eyo proyavleniya v kul'ture. [*Recursive form of movement and its manifestations in culture*.] Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, pp. 57–66.
9. Vezhbitska A. (1978). Metatekst v tekste. [*Metatext in text*.] Moscow: Progress, pp. 402–421.
10. Lyapon M.V. (1986). Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovykh otnosheniy. [*The semantic structure of a complex sentence and text. On typology of intertextual relations*.] Moscow: The science, p. 201.
11. Stepanov Yu.S. (1976). Semiologicheskiy printsip opisaniya yazyka. [*Semiological principle of language description*.] Moscow: The science, pp. 38–51.
12. Alefirenko N.F. (2009). «Zhivoe» slovo: Problemy funktsional'noy leksikologii: monografiya. [*The Living Word: Problems of Functional Lexicology: Monograph*.] Moscow: Flint: Science, p. 344.
13. Ivanyan E.P., Mikhaylova M.Yu. (2020). "The Abode" of Z. Prilepin in the linguosemiotic aspect. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 1 (in Russian).
14. Ehko U. (1989). Zametki na polyakh «Imeni Rozy». [*Margin Names*.] Moscow: Book.
15. Mikeshina L.A., Openkov M.Yu. (1997). Novye obrazy poznaniya i real'nosti. [*New images of knowledge and reality*.] Moscow: Russian Political Encyclopedia, p. 240.
16. Leybnits G.V. (1983). Sochineniya: v 4 tomakh. Tom 2. [*Works: in 4 volumes. Volume 2*.] Moscow: Think, p. 686.